«Вероучение Церкви и Святые Отцы». Выступление митрополита Волоколамского Илариона на церемонии вручения степени доктора богословия honoris causa Минской духовной академии

Ваше Высокопреосвященство, Владыка Митрополит Филарет!
Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства,
дорогие отцы, братья и сестры!

Я искренне тронут решением Ученого совета Минской духовной академии о присвоении мне почетной докторской степени. Благодарю за оказанную мне честь и за возможность братского общения сегодня с членами профессорско-преподавательской корпорации и студентами академии. Для меня эта возможность очень дорога.

Особую благодарность хотел бы выразить Вам, высокочтимый Владыка Митрополит, за Ваше доброе отношение. Вы были моим предшественником на двух занимаемых мною ныне постах – председателя Отдела внешних церковных связей и председателя Синодальной Библейско-Богословской комиссии. И для меня особенно дорого Ваше отеческое внимание к моим трудам.

Ваше имя, дорогой Владыка, золотыми буквами вписано в историю Белоруссии. Когда Вы возглавили Белорусский экзархат 34 года назад, религиозная жизнь в этом «атеистическом крае» еле теплилась. Благодаря Вашим неустанным трудам Белорусская Православная Церковь достигла небывалого уровня развития. В эти дни мне довелось посетить лишь немногие очаги духовной жизни, возрожденные при Вашем непосредственном участии, такие как Свято-Елизаветинский монастырь, Храм-памятник и Дом милосердия в Минске, Жировицкую обитель и, наконец, Минскую духовную академию. Везде радуют взор не только благолепно украшенные архитектурные сооружения, но, прежде всего, глаза и улыбки православных людей, которые вкладывают силы в церковное строительство, потому что искренне любят и свою Церковь, и свою родину.

Тема моего выступления – «Вероучение Церкви и Святые Отцы». Я буду рассматривать эту тему в двух аспектах, которые тесно между собою связаны. Первый аспект – это соотношение православного догматического учения и богословского творчества Святых Отцов и Учителей Церкви. Второй аспект – соотношение догматики и патрологии как научно-богословских и учебных дисциплин.

Прояснить соотношение вероучения и святоотеческого наследия, а также догматики и патрологии – значит, с одной стороны, обозначить то, что их связывает и объединяет, а, с другой стороны, указать на их различие, то есть на специфику каждой из этих областей церковного Предания и православной богословской науки.

Достичь в этих вопросах максимальной ясности очень важно. Святоотеческое предание занимает центральное место в православном сознании. Патристическое возрождение началось в нашем богословии еще в XIX столетии, когда совместными усилиями многих людей, в том числе профессоров и студентов четырех духовных академий (Московской, Санкт-Петербургской, Киевской и Казанской) был осуществлен колоссальный труд по переводу творений Святых Отцов, восточных и западных, на русский язык. Это возрождение продолжилось в XX веке, по преимуществу в русском церковном рассеянии. Стало появляться все больше патрологических исследований. При этом православные ученые работали во взаимодействии с западной богословской наукой, в которой в минувшем веке не только постоянно возрастал интерес к святоотеческому наследию, но и были достигнуты впечатляющие результаты (достаточно упомянуть знаменитую научную серию Sources Chrétiennes, которая начала выходить во Франции в 1942 году и к настоящему времени достигла более 500 наименований).

Сегодня в наших богословских учебных заведениях значительная часть учащихся выбирает для самостоятельной работы именно патрологические темы, а среди нового поколения богословов многие специализируются в области патрологии. Тем важнее нам ясно понимать, в чем состоит специфика этой богословской науки и как она соотносится и взаимодействует с догматическим богословием как изложением общецерковного вероучения.

Но сначала обратимся к первому аспекту темы – взаимосвязи вероучения и святоотеческого богословия (которые и являются предметом соответственно догматики и патрологии).

Вероучение Церкви отличается от мифологий, философских систем, идеологий и иных мировоззрений (включая и так называемую «научную картину мира») тем, что его источник – не человеческий разум или творческое воображение, а Божественное Откровение.

Центральным событием самооткровения Бога является Воплощение Сына Божия, Его земная жизнь, служение, крестная смерть и воскресение, то есть спасительный подвиг Господа нашего Иисуса Христа, называемый на богословском языке «домостроительством спасения». Соответственно, характерная черта церковного вероучения – его сотериологичность. Ядром вероучения являются спасительные истины веры. Спасительность их, однако, заключается не в том, чтобы умственно их принимать и в них веровать. Истины веры являются спасительными потому, что они указывают человеку путь к Богу, Который открывает Себя во Христе и призывает

человека к духовному общению с Собой. После грехопадения праотца Адама такое общение стало возможным благодаря искупительному подвигу Второго Адама – Богочеловека. Поэтому другая характерная черта вероучения – это его христоцентричность.

Примирение и общение человека с Богом совершаются в Церкви Христовой. Согласно православному пониманию, христианства нет без Церкви. Церковь есть человеческая общность особого рода, потому что в ней уникальность и свобода каждого члена гармонично сочетаются с теснейшим духовным единством всех ее членов, вместе составляющих, согласно образу апостола Павла, одно тело, Главою которого является Сам Богочеловек и Спаситель Иисус Христос.

На эту особенность церковной общности указывает, например, грамматическая форма основного церковного вероисповедания – Символа веры, а также его литургическое использование. Человек, принимающий Святое Крещение, то есть вступающий в Церковь, произносит Символ веры от первого лица, выражая тем самым свою личную и свободную веру. Но затем каждый раз, когда совершается литургия, члены церкви возобновляют свое вероисповедание, произнося Символ каждый от себя, но – совместно, симфонически, *едиными устами и единым сердцем*. Это общее исповедание, которое совершается в Духе Святом, ибо *никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым* (1 Кор 12:3). Личная вера согласуется с верой всей Церкви, а вера Церкви становится вероисповеданием христианина. Таким образом, еще одна важнейшая характеристика православного вероучения – это его церковность, или то, что русские богословы-славянофилы назвали словом «соборность».

Я обратил внимание на эти особенности православного вероучения потому, что их необходимо учитывать, когда мы говорим о формировании догматического учения Церкви и о той роли, которую сыграли в этом формировании Святые Отцы.

Краеугольным камнем церковной веры является исповедание апостола Петра – слова, обращенные к Спасителю: *Ты – Христос, Сын Бога живаго* (Мф 16:16). Это апостольское исповедание стало тем основанием, на котором Спаситель создал Свою Церковь (Мф 16:17-19). В этом вероисповедании – суть проповеди Апостолов в иудеохристианском контексте: так, апостол Павел *опровергал Иудеев всенародно, доказывая Писаниями, что Иисус есть Христос* (Деян 18:28), а апостол Иоанн Богослов утверждал: *Всякий верующий, что Иисус есть Христос, от Бога рожден* (1 Ин 5:1). И в день Сошествия Святого Духа апостол Петр провозгласил: *Нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись* (Деян 4:12).

Позднее основной формой, в которой находит свое выражение церковное вероучение, становятся крещальные символы, то есть краткие вероизложения, не просто содержащие основополагающие спасительные истины веры, но и имеющие характер вероисповедания. В разных поместных

Церквах были свои символы, которые текстуально отличались друг от друга, но выражали общую веру Церкви. Важнейшим этапом формирования православной вероучительной ортодоксии стали разработка и утверждение Никео-Константинопольского Символа веры в IV столетии, в «золотой век святоотеческой письменности». Принятие общего Символа было призвано выразить единство Церкви и ее вероучения.

Имея в виду историю этого Символа и тот статус, который он приобрел во Вселенской Церкви, то есть статус основного догматического текста, мы можем увидеть все основные черты вероучения как такового.

Вероучение есть не система идей, а *вероисповедание*.

Вероучение есть исповедание *всей Церкви* Христовой, то есть оно является не индивидуальным, а общим вероисповеданием, хотя каждый христианин лично его исповедует и постигает.

Церковное учение имеет некое *ядро*. Это ядро составляют основополагающие спасительные истины веры, которые в совокупности представляет собой, так сказать, *вероучительный минимум*. Символ веры как раз и является таким вероучительным минимумом, исповедовать который необходимо для спасения.

Вероучительная ортодоксия определяется соборным разумом и утверждается решением Собора, который представляет полноту Церкви, пребывающей в Духе Святом (согласно формуле: «Изволися Духу Святому и нам»). Соборно утвержденных догматических текстов немного, но в них выражены основополагающие истины веры, определяющие богословскую логику при более подробной разработке православной догматики.

Православное вероучение формулируется и уточняется в ходе содержательной богословской *полемики с еретическими идеями и учениями*. Появление новых догматических формулировок и вероопределений имело место в силу необходимости зафиксировать православное исповедание в противовес существующим в лоне Церкви или за ее пределами неправославным представлениям.

Важнейшей средой, в которой происходит формирование православного вероучения, является храм и богослужение. Все наше богослужение наполнено глубоким догматическим содержанием, а некоторые богослужебные тексты имеют статус, приравнивающий их к вероопределениям Соборов и крещальным символам. Я имею в виду, прежде всего, анафоры литургий Василия Великого и Иоанна Златоуста, а также некоторых других литургий, по тем или иным причинам вышедших из употребления. Эти анафоры содержат емкое и лаконичное изложение основных вероучительных истин, преломленных через призму литургического опыта. Можно лишь сожалеть

о том, что тексты этих анафор сегодня недоступны для слуха большинства верующих, которые из-за практики тайного чтения евхаристических молитв лишаются возможности молитвенно пережить основополагающие истины веры.

Ведущую и определяющую роль в полемике с еретиками и в формулировании вероучительной ортодоксии сыграли те богословы, которых Церковь именует Святыми Отцами и учителями. Это касается не только Никео-Константинопольского Символа веры, но и более поздних вероопределений, прежде всего христологического халкидонского догмата о двух природах Богочеловека и догмата об иконопочитании, соборному утверждению которых также предшествовали длительные и весьма острые богословские споры.

Вклад Святых Отцов в формулировании общецерковного Символа веры и иных вероопределений, принятых в развитие и уточнение его догматического содержания, – только одно направление их участия в разработке православного догматического учения. Это направление, безусловно, имеет первостепенную значимость, так как в данном случае святоотеческое богословие служило наиболее точному выражению общецерковной веры, засвидетельствованной соборным разумом Церкви.

Но было и другое направление, к которому следует отнести творения отдельных авторов, взявших на себя труд изложения церковного учения в более или менее пространной, последовательной и систематической форме. Эпоха Древней Церкви дала несколько опытов такого рода. Среди ранних следует указать на «Строматы» Климента Александрийского (†217) и «О началах» Оригена (†254), а среди более поздних – на «Катехизические поучения» святителя Кирилла Иерусалимского (†386), «Великое огласительное слово» святителя Григория Нисского (†370), «Краткое изложение божественных догматов» блаженного Феодорита Кирского (†457), которое составляет пятую книгу его сочинения против ересей, а также на такое произведение блаженного Августина (†430), как *Enchiridion ad Laurentium* («Руководство для Лаврентия»). Но, конечно, наиболее полным и систематичным трудом по церковной догматике является «Точное изложение православной веры» преподобного Иоанна Дамаскина († до 754) – произведение, которое суммирует предшествовавшее догматическое творчество Святых Отцов.

Это далеко не полный перечень такого рода патристических текстов, но они являются основными и характерными примерами. Указанные сочинения отличаются одно от другого целью, которую ставил перед собой автор, соответственно, жанром, а также историческим и культурным контекстом их написания.

Ранние опыты Климента и Оригена имели целью не просто изложение догматического учения, но и создание собственно христианской философии на базе языческой античной философии. Это

имело в то время важное миссионерское значение, в частности потому, что тем самым была задана широкая интеллектуальная рамка: христианские авторы продемонстрировали масштабность своего мышления и его способность христианизировать культуру, что и произошло в дальнейшем. В то же время у ранних, доникейских, богословов присутствовали идеи, которые позднее были признаны неправославными (например, идея предсуществования душ и учение об апокатастасисе у Оригена).

Далее, у Кирилла Иерусалимского и Григория Нисского мы видим примеры изложения вероучения применительно к задачам оглашения, катехизации, то есть научения истинам веры новых членов Церкви. Это иной жанр, и в нем большое значение имеет педагогический аспект. Кроме того, творение Кирилла, состоящее из двух отдельных циклов – огласительных поучений (до крещения) и тайноводственых слов (после крещения), отражает катехизаторскую практику Церкви его времени и представляет собой не что иное, как толкование на Никейский Символ веры. В свою очередь, в катехизисе Григория уделяется особое внимание опровержению неправославных, еретических представлений. Также и вероизложение Феодорита включено в сочинение против ересей.

Что же касается монументального труда Иоанна Дамаскина, то его «Точное изложение православной веры» в течение столетий по существу служило учебником догматики как на Востоке, так и на Западе, и следует напомнить, что уже в X веке оно было переведено на славянский язык. Но и этот первый опыт подробного систематического изложения вероучения является частью трилогии, в которую также входят изложение философии Аристотеля (трактат «Диалектика») и трактат о ересях. То есть изложению догматов сопутствуют общефилософские размышления и обличение догматических искажений.

Таким образом, в формулировании и разработке православного догматического учения решающую роль сыграли именно Святые Отцы – как в отдельных областях догматики (триадологии, христологии, антропологии, сотериологии и т.д.), так и в деле систематизации вероучения. В качестве догматистов Святые Отцы были истолкователями Божественного Откровения. На разных этапах церковной истории они выражали изначальную апостольскую веру, разрабатывая язык христианского богословия и находя наиболее точные формулировки. Они также отстаивали общецерковную православную веру в богословской полемике с еретическими учениями.

В то же время, говоря о догматическом творчестве Святых Отцов, очень важно понимать, что они могли выполнять миссию выразителей общей веры Церкви и защитников спасительного учения, потому что сами были *христианскими мыслителями*. Любая плодотворная мысль всегда осуществляется личным творческим усилием мыслителя или группы мыслителей, интеллектуально

и духовно взаимодействующих друг с другом. На заре христианства таким творческим мыслителем был апостол Павел, богослов и миссионер, особо призванный воскресшим Христом и сопричтенный лику апостолов.

Особенность богословской деятельности Святых Отцов состояла в том, что они были не кабинетными учеными, а «практиками», воспринимавшими богословие не как науку, а как религиозный, духовный опыт, находивший отражение в их литературном творчестве. Грубейшей и самой распространенной ошибкой западных патрологов XX века было рассмотрение Отцов Церкви именно как ученых, сидевших в уютных кабинетах в окружении книг более ранних Отцов. На самом деле, в отличие от многих современных богословов, воспринимающих богословие как науку, для Отцов Церкви богословие имело прикладное значение: оно являлось как бы необходимым приложением к их основной деятельности. И писали они не столько из интереса к теоретическому богословствованию, сколько из практической необходимости излагать истины христианской веры для конкретной аудитории.

Среди отцов и учителей Церкви основное место занимают святители – люди, призванные к архипастырскому служению и в силу своего служения столкнувшиеся с необходимостью защищать истины веры от еретических искажений. Другая категория отцов Церкви – преподобные, которые несли послушание в монастырях и в своих творениях отражали многовековой опыт монашеского делания. Свои богословские познания они черпали не столько из келейного чтения книг, сколько из монастырского богослужения, за которым регулярно читались и Священное Писание, и произведения раннехристианской письменности.

Классическим примером Отца Церкви первой категории может служить святитель Василий Великий. Все его богословское творчество было подчинено необходимости защищать и отстаивать православное вероучение перед лицом набиравшей тогда силу арианской ереси. В то же время он много писал на аскетические темы, потому что как архиепископ Кесарии Каппадокийской имел попечение о монашеских общинах и стремился вовлечь их в общецерковное делание. Он был автором проповедей, поскольку как пастырь Церкви считал необходимым объяснять людям основы христианской нравственности. Наконец, он был создателем анафоры – евхаристической молитвы, в тексте которой нашло отражение и его личное богословское видение, и весь накопленный к тому времени арсенал догматических истин и формулировок.

Примером Отца Церкви второго типа может послужить преподобный Иоанн Дамаскин. Значительная часть его литературного наследия посвящена опровержению иконоборческой ереси и оправданию многовековой церковной практики почитания икон. Он был автором философских и богословских трактатов, служивших своего рода компендиумом знаний, накопленных к тому времени в этих областях, учебником, предназначенным прежде всего для монашествующих. Он

также был автором литургических текстов, из которых самым известным является Пасхальный канон. В этих текстах философия превращается в поэзию, а богословие – в молитву, хвалу Богу, возносимую не столько от ума, сколько от сердца.

Именно потому, что Отцы Церкви были не теоретиками, а практиками церковной жизни, их личные усилия и одаренность служили благу всей Церкви, поскольку их духовный опыт был одновременно глубоко личным и подлинно кафолическим. И нет никакого противоречия в том, что, богословствуя как творческие мыслители в конкретном культурно-историческом контексте и реагируя на современные им теоретические и практические проблемы, Святые Отцы участвовали в формулировании и уточнении вероучительной ортодоксии.

С церковной точки зрения, подлинное величие Святых Отцов состоит именно в том, что их личное интеллектуальное творчество никогда не рассматривалось – ни ими самими, ни их читателями – как нечто сугубо индивидуальное, «авторское», то есть противостоящее вероучительной и богословской традиции Церкви. Они не стремились создать что-то новое, не стремились к оригинальности. Как иконописец или церковный композитор не создает «авторское произведение», но выражает совокупный, кафолический опыт Церкви, так и Святые Отцы пустили в оборот свой богословский талант ради обогащения и уточнения догматического учения как того словесного «образа» веры, который сохраняет и которым живет вся Церковь Христова.

В данном случае мы имеем дело со своеобразной диалектикой частного и общего, личного и кафолического. Это не противоречие, но именно диалектика, поскольку личность не подменяет собой общность и не противопоставляет себя ей, но живет и действует внутри общецерковного духовного пространства, не утрачивая своей свободы и уникальности своего вклада в богословскую сокровищницу Церкви.

Равновесие личного и общего в церковном богословии возможно потому, что оно никоим образом не является некоей абстрактной доктриной и измышлением разума. Подлинное богословие всегда имеет своим источником личную встречу человека с Богом Живым, о чем нам говорит уже история призвания апостолов – и простых рыбаков, ставших богословами, и весьма образованного Савла, ставшего Павлом, апостолом языков. Но и предметом христианского вероучения и богословия, как уже говорилось, являются не отвлеченные философские идеи, а жизнь и земное служение Христа Спасителя, то есть Его спасительное домостроительство.

Однако личностный аспект богословского творчества Святых Отцов имеет и другие проявления. Чтобы обратить на них внимание, следует перейти от вопроса о роли Святых Отцов в формулировании вероучительной ортодоксии к вопросу о соотношении догматики и патрологии.

Догматика является синтетической дисциплиной, и ее цель – связное изложение церковного вероучения, опирающегося на Священное Писание и Священное Предание, в том числе святоотеческое наследие.

Патрология – дисциплина аналитическая, которая занимается изучением творчества отдельных церковных писателей в контексте истории Церкви.

Если мы обращаемся к творчеству Отцов Церкви и других значимых христианских авторов, применяя патрологический подход, мы должны прежде всего иметь в виду, что они были живыми людьми и проходили свой духовный путь в определенных обстоятельствах «времени и места». Конкретные условия и перипетии жизни и служения каждого Святого Отца имеют очень большое значение для понимания их творчества и вклада в православное богословие.

Задача патролога состоит не в том, чтобы просто вычленить богословские представления изучаемого автора из его текстов и систематизировать их, а в том, чтобы восстановить максимально подробно все обстоятельства его жизни и творчества и рассмотреть его богословие в широком интеллектуальном и культурном контексте. Иначе нельзя понять особенности его мышления, ответить на вопросы о том, почему он обращался к тем или иным темам, уделял особое внимание конкретным идеям, опирался на определенных авторов прошлого. Поэтому патролог обязательно должен быть историком, разбираться в философии, знать и хорошо чувствовать язык, на котором выражал свои мысли автор. В данном случае широкая эрудиция – это противоядие от начетничества и буквализма, она не позволяет упрощать и схематизировать образ изучаемого писателя, подгонять его под заранее приготовленный шаблон. Патрология – это наука, и именно поэтому она является не только полезным, но и увлекательным занятием.

Кроме того, для патролога Святые Отцы являются не только выразителями и защитниками православной веры, хотя анализ различий в способе выражения общецерковного учения, связанных с историческим контекстом, языком и терминологическим аппаратом, безусловно, является одной из задач именно патрологии. Но для патролога важно и то, что Святые Отцы были христианскими философами. Они размышляли на разные темы, напрямую не связанные с вероучительной ортодоксией, с тем «вероучительным минимумом», который составляет ее ядро. В процессе такого размышления они высказывали разные идеи, которые не всегда становились общепринятыми: профессор Болотов в свое время назвал эти идеи «теологуменами» – частными богословскими мнениями. Индивидуальные особенности древних христианских писателей также являются предметом изучения, анализа и сопоставления со стороны патрологии как особой научно-богословской дисциплины.

В связи с этими аналитическими функциями патрологии уже в новом ракурсе возникает вопрос о

ее соотношении с догматикой как общецерковным учением. Я имею в виду вопрос о так называемом «согласии отцов» (*consensus partum*). Это понятие призвано провести границу между теми богословскими представлениями, которые разделяли учители Церкви, и упомянутыми частными богословскими мнениями, или теологуменами, отдельных авторов. Для того чтобы оценить полезность этого понятия, следует посмотреть на него с обеих точек зрения: и с точки зрения догматического учения Церкви, и с точки зрения патрологии как персонализированной истории церковно-богословской мысли.

Безусловно, понятие о *consensus partum* важно для определения вероучительной ортодоксии, так как единомыслие Отцов по догматическим вопросам свидетельствует об общецерковной вере и позволяет опираться на их богословие при пространном изложении православного вероучения. Однако для патролога это понятие не имеет особого значения, потому что он изучает богословское творчество конкретных авторов, учитывая при этом историческую последовательность эпох и одновременно разнообразие культурно-географических и лингвистических контекстов их творчества. Очевидно, что мы не можем оценивать богословие западных Отцов через призму восточно-христианской богословской традиции. Равным образом, сравнивая богословские представления авторов, писавших на сирийском языке, с грекоязычными авторами, мы должны учитывать различие тех языковых средств, которыми они пользовались.

Если патролог проделал всю необходимую работу, то есть изучил тексты исследуемого автора и проанализировал их в контексте его жизни и творчества, он получает возможность под особым углом посмотреть на вопрос о «согласии отцов» и их «частных богословских мнениях». Во-первых, эти особые мнения во многом объясняются историческим, философским и культурно-языковым контекстом. А во-вторых, эти мнения являются развитием творческой мысли автора по вопросам, которые в строгом смысле не касаются спасительных истин веры, в совокупности образующих вероучительную ортодоксию.

Хотел бы в этой связи привести пример одного из самых удивительных Отцов Церкви – преподобного Исаака Сирина. Его поучения на протяжении вот уже двенадцати веков входят в число святоотеческих творений, имеющих безусловный авторитет для православного христианина. Имя его содержится в нашем церковном календаре, хотя, строго говоря, никакой его формальной канонизации в Православной Церкви никогда не было, как не было канонизации большинства других древних святых. Его имя просто в какой-то момент было добавлено к имени преподобного Ефрема Сирина, и память двух сирийских святых стала праздноваться в один день.

Парадоксальным фактом жизни Исаака Сирина является его принадлежность к Церкви Востока, отвергавшей Ефесский Собор и почитавшей в качестве святых Феодора Мопсуестийского, Диодора Тарсийского и Нестория, осужденных этим собором. В свое время (на рубеже X и XI

веков) из сочинений Исаака, написанных на сирийском языке, была сделана выборка для византийского читателя, составившая сборник его «Слов подвижнических». Именно этот сборник и получил всемирную известность, обеспечив Исааку не только непререкаемый авторитет в монашеской среде, но и место в святцах Православной Церкви. Значительная же часть его литературного наследия оказалась под спудом и стала известна лишь в наше время благодаря обнаружению и публикации текстов Исаака, ранее остававшихся неопубликованными. Эти тексты содержат, в том числе, и христологические воззрения, терминологически смыкающиеся с воззрениями Феодора Мопсуестийского и Диодора Тарсийского (а следовательно, и их ученика Нестория). Содержат они и частные богословские мнения, такие как учение о всеобщем спасении-апокатастасисе (хотя сам греческий термин «апокатастасис» отсутствует у преподобного Исаака).

Итак, мы попадали в ситуацию, когда почитаемый Святой Отец при ближайшем рассмотрении оказывался носителем осужденных Церковью частных богословских мнений, да еще и сам – в строгом смысле слова – к Православной Церкви не принадлежал. Самый легкий выход из положения – объявить новооткрытые тексты Исаака Сирина подложными. Однако ни один серьезный патролог, а тем более сиролог не позволит себе пойти по такому пути. Знакомство с сочинениями Исаака – именно в сирийском оригинале, а не в переводе – убедительно свидетельствует о том, что и ранее известные, и вновь открытые тексты принадлежат перу (точнее, трости) одного автора. Следовательно, выход из положения надо искать в другой плоскости.

Мне представляется, что ключом к решению вопроса должно быть именно внимательное и чуткое отношение к богословскому, историческому, языковому контексту рассматриваемого автора. Преподобный Исаак жил в конкретную историческую эпоху, пользовался сложившейся именно к тому времени и именно на его языке и именно в его Церкви богословской терминологией, апеллировал к тем авторам, которые воспринимались именно в его контексте как непререкаемые богословские авторитеты. Несправедливо и даже совершенно бессмысленно – пытаться применить к его творчеству византийские критерии, поставить его перед судом строгой вероучительной ортодоксии Церкви семи Вселенских Соборов. Его творения надо принять как Божий дар Церкви, а те частные мнения, которые он разделял в силу принадлежности к конкретной богословской традиции, надо воспринимать именно как его частные мнения. И не следует пытаться их отсечь от основного корпуса его творений, потому что внимательное их чтение показывает, что все идеи Исаака взаимосвязаны и вытекают одна из другой. Его частные богословские мнения вытекают из основополагающих вероучительных установок, которые он разделял, но которые преломлялись через призму его личного духовного опыта.

Живая и глубокая богословская мысль нередко выходит за рамки вероучительного минимума – однако совсем не для того, чтобы разрушить православное учение как норму веры. Причина такого

расширения рамок в том, что всегда остаются, а также возникают такие богословские вопросы и проблемы, которые еще не получили своего нормативного решения в рамках соборно утвержденного вероучительного свода. Так было во все эпохи церковной истории, о чем свидетельствуют догматические споры и богословская полемика. И те православные церковные писатели, которые придерживались каких-то частных богословских мнений и даже полемизировали друг с другом, размышляли о таких вопросах, на которые в тот момент не было общецерковного ответа. Это хорошо знает любой квалифицированный богослов, а патролог – особенно.

Хотел бы еще раз подчеркнуть: патролог – это прежде всего историк. Поэтому он руководствуется методологией исторического исследования; в частности, привлекает и учитывает данные многих вспомогательных исторических дисциплин, без помощи которых он не сможет понять особенности богословского творчества изучаемого автора или авторов.

В то же время православный патролог не является «внешним наблюдателем» или «независимым исследователем», который вынужден изобретать такую объясняющую концепцию, которая позволит ему связать и объединить в одно целое все установленные им исторические факты. Православный патролог не только знает догматическое учение Церкви, но и исповедует его как спасительную веру, одновременно личную и кафолическую, то есть общецерковную. Именно это двойное знание не позволяет православному патрологу впадать в исторический релятивизм и побуждает его всегда различать в патристическом наследии то, что относится к общей вере Церкви и «согласию Отцов», и то, что относится к индивидуальным особенностям мышления и творчества конкретных авторов, а также к культурно-историческому контексту их жизни и деятельности.

Противопоставление одного другому – это методологическая ошибка, смешение разных подходов: аналитического, свойственного патрологии, и синтетического, свойственного догматике. Всякий раз, когда результаты компетентной и квалифицированной исследовательской работы патролога воспринимаются как угроза вероучительной ортодоксии, то есть когда догматику противопоставляют патрологии, это свидетельствует прежде всего о невнимании к богословскому творчеству Святых Отцов как христианских мыслителей, о незнании богословской традиции во всем ее духовно-интеллектуальном богатстве и культурной значимости. Но еще хуже то, что в основе такого противопоставления лежит не просто богословское невежество, а страх, или, лучше сказать, боязнь, что церковно-богословская наука может подорвать общую веру Православной Церкви, что какие-то ее выводы и достижения разрушат вероучительную ортодоксию. Нет ничего более чуждого вере и богословскому мышлению Святых Отцов, чем такая псевдобогословская позиция.

Святые Отцы дают нам пример не только верности православной вере и Церкви, но также и ревностной защиты спасительной богооткровенной истины. Они являют собой пример подлинно церковного творческого богословствования. Это богословы, обладавшие как духовным опытом, так и высокой культурой, а также особым даром, который они не оставили втуне. Кроме того, Святые Отцы всегда осуществляли и миссионерское призвание, неотделимое от призвания пастыря и всякого христианина. Именно поэтому изучение творчества Святых Отцов и учителей Церкви столь важно и необходимо нам сегодня в процессе восстановления и развития духовного образования, богословской науки и в целом жизни нашей Церкви.

В связи с вышесказанным следует остановиться еще на одном вопросе – о так называемом «неопатристическом синтезе». Как известно, в XX столетии эту тему поднимал выдающийся русский богослов и патролог протоиерей Георгий Флоровский. В период патристического возрождения, значительный вклад в которое сделал именно отец Георгий, причем не только в православном, но и в общехристианском контексте, идея патристического синтеза была более чем актуальной. По существу, речь шла о том, чтобы предложить синтетическое изложение православного вероучения, исходя не из старых «западных» подходов и схем, а непосредственно из всего корпуса святоотеческих творений, рассматриваемых прежде всего с точки зрения именно «согласия Отцов».

В связи с этим в рамках нашей сегодняшней темы возникает законный вопрос: чем отличается современный «патристический синтез» от современного изложения догматического учения Церкви? И как в данном случае соотносятся догматика и патрология?

Любое систематическое и подробное изложение православной догматики предполагает, с одной стороны, определенную методологию изложения и, соответственно, последовательность и структуру этого изложения, а, с другой стороны, опору на догматическое наследие Святых Отцов и учителей Церкви, которые и были «разработчиками» православного богословского языка и церковного вероучения. И в старых российских учебниках догматики святоотеческое наследие является одним из обязательных источников при изложении церковного вероучения.

Если суть идеи «неопатристического синтеза» состоит в том, чтобы богословствовать «в духе Отцов», то есть предложить иную, отличную от старых (например, характерных для догматик XIX века), методологию и структуру изложения догматического учения, то это просто является конкретной задачей современного догматического богословия, призванного выражать веру Православной Церкви. Иными словами, это относится к сфере догматики, а не к сфере патрологии.

«Патристический синтез» в принципе возможен, но как результат творческих усилий одаренных и

эрудированных богословов. Такой синтетический труд всегда будет в той или иной мере определяться конкретно-историческими условиями его создания и индивидуальными особенностями авторов, в том числе и их общефилософской позицией. Собственно, и «Источник знания» преподобного Иоанна Дамаскина был плодом творческих усилий автора и, можно сказать, опытом «патристического синтеза», в котором были подведены итоги классической патристики.

Возрождая и развивая русскую богословскую науку, мы должны не забывать о методологической строгости. Не следует подменять догматическое богословие как выражение общей веры Церкви – патрологией, ценность которой состоит прежде всего в том, чтобы она обращает внимание на конкретные индивидуальные и культурно-исторические особенности творчества православных богословов разных эпох.

В то же время не следует пренебрегать и сложной, но насущной задачей систематического изложения православной догматики в форме учебника или иного богословского произведения. Такие учебники или произведения должны проходить через процедуру рецепции со стороны как богословского сообщества, так и церковной Полноты, то есть подвергаться оценке со стороны соборного разума и соответствующих инстанций, уполномоченных Высшей церковной властью. И главными критериями оценки в данном случае должны быть христоцентричность, сотериологичность и церковность.

Патрология же, в отличие от догматики, выполняет в комплексе церковно-богословских наук и учебных дисциплин иную задачу. Она открывает перед исследователем и учащимся особый мир – мир церковных мыслителей и писателей разных эпох, которые прошли путь личного духовного подвига и богословского творчества, не отделяя себя от церковного Тела, но трудясь ради его укрепления и возрастания – *под Главою Христом* (Еф 1:10).

В заключение своего выступления я хотел бы призвать вас, дорогие отцы, братья и сестры, активно изучать наследие Отцов Церкви, стараясь претворить в жизнь святоотеческие заветы. Изучайте Отцов – и каждого по отдельности, и всех вместе. Учитесь отличать в святоотеческих творениях вечное и непреходящее от частного и личного. И изучайте догматы, ибо на них, как на столпах, зиждется вся жизнь Церкви, ее вероучение, богослужение и аскетическая практика.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/54448/